

Т.Ю. Загрякина

**«ВЕХИ ИДЕНТИЧНОСТИ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ
И ЯЗЫКОВОМ АСПЕКТАХ
(ОТ ПРОВАНСА К ОКСИТАНИИ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рассматривается вопрос развития идентичности как феномена, обладающего обобщающими свойствами и связанного с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры. Феномен идентичности связан с феноменом традиции, под которой понимается точка зрения современников на культурную значимость прошлого (Ж. Пуайон). Для изучения динамики провансальской / окситанской идентичности выделяем новации каждого периода – «вехи идентичности». Под этим понятием подразумеваются идентитарные референции, накапливающиеся или сменяющие друг друга в процессе исторического развития. В истории южнофранцузской идентичности был период инерционного угасания и нескольких периодов идентитарных подъемов различной силы. На протяжении веков переосмысливалось прошлое, возникали новации, переформатировалась идентичность: каждый этап является новым, обладающим своими дифференциальными признаками – «вехами» идентичности. Среди них: культура трубадуров как референтная база (1); стигматизация альбигойских и религиозных войн (2); культурная матрица «вечного» Прованса, сакрализация и «музеификация» прошлого, роль творческой личности (фелибризм) (3); демифологизация культуры; рациональное обоснование идентичности (окситанизм), уход окситанского языка из реальной коммуникации и развитие вторичной, символической функции (4); виртуализация, «деперсонификация» идентичности; дистанцирование от прошлого (наше время) (5). Эти и другие «вехи» маркируют путь, который прошла южнофранцузская идентичность и обозначают общий вектор ее развития – подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей северофранцузской / общезападной культурой.

Ключевые слова: идентичность; референция; традиция; новация; Прованс; Окситания; фелибризм; окситанизм; виртуальная идентичность; Ф. Мистраль; Арлатанский музей; эпilingвистическая; символическая; идентифицирующая функции языка.

Татьяна Юрьевна Загрякина – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana_zagr@mail.ru).

Целью статьи является динамическое рассмотрение идентичности жителей Прованса / Окситании – южнофранцузского региона, занимающего половину территории Франции к югу от Луары¹. Ранее мы уже анализировали конструирование южнофранцузской идентичности в творчестве трубадуров – важнейшей референтной точки в культуре региона [Загряжкина, 2020]. Продолжим рассмотрение этого изменяющегося конструкта вплоть до настоящего времени.

Изучение идентичности связано с реконструированием на основании отдельных фрагментов более общих ценностей культуры – национальных, региональных, локальных, этнических. Не вступая в полемику относительно терминов «этнос», «этничность», «этнический» (по этому вопросу существует обширная литература [Барт, 2006; Тишков, Шабаев, 2013; Плассеро, 2019; и др.], в статье мы будем использовать термин *региональная культура* или культура определенного региона. Основанием для квалификации той или иной культуры как региональной будет субъективный фактор – самосознание жителей, позиционирующих свою культуру как отдельную, в том числе с учетом определенных дифференциальных формантов – символов: «знаков, сигнализирующих об идентичности» и «средств символического различения» [Барт, 2006: 39, 44; и др.], «знаковых символических атрибутов» [Плассеро, 2019: 149]; «маркеров» [Есина, Баранова, 2019: 27]; есть и другие обозначения.

«Список» символов открыт; он включает обозначения повседневных и праздничных практик, традиций еды, костюма, жилища, народной геральдики, а также язык, который по многим параметрам считается ключевым символом [Тишков, Шабаев, 2013: 41]. Между тем в связи с нивелированием родного языка в некоторых регионах, в частности, в регионах Франции, можно считать символом не сам язык, а *ностальгическое чувство по отношению к языку*. Ср. близкий, но не идентичный термин А. Вайнрайха *language loyalty* «приверженность, лояльность языку», используемый В.В. Барановой [Баранова, 2019: 32]. Дискурс о языке и культуре часто имеет ритуализированный характер и содержит повторяющиеся компоненты. Так, исследования дискурса об Арле – городе-символе Прованса – выявили регулярные базовые референции, имплицитно выражающие коллективные представления о регионе: провансальский язык, культ быка, арлезианский костюм [Шевалье, Морель, 1985]. Существуют и эксплицитные способы выражения региональной принадлежности – в первую очередь музеи, прямо предназначенные для иллюстрации идентичности.

¹ Обозначение *Окситания*, *окситанский язык* подразумевает современный контекст, обозначение *Прованс*, *провансальский язык* – исторический контекст; используется также обобщенное обозначение *Юг Франции*, *южнофранцузский* (регион).

Проблематика идентичности находится на пересечении многих тем, среди которых отношение к традиции. По мнению Ж. Ленклю, частота употребления термина *традиция* прямо пропорциональна ясности его содержания. Исследователь полагает, что «недоопределение» этого термина имеет эвристическую ценность и побуждает вновь и вновь возвращаться к его трактовке [Lenclud, 1987]. Одну из них предлагает сам Ленклю. С его точки зрения, понятие традиции имеет три аспекта:

1. Связь с коллективными представлениями о времени и об истории, которые могут быть различными – линейными или циклическими, по-разному определяющими движение от прошлого к будущему. В «современных» обществах, имеющих линейный образ времени, они собираются в некий фонд – национальное достояние (архивы, музеи и т.д.).

2. Традиция не соотносится с прошлым как целым. Прошлое фильтруется, и сохраняется лишь то, что воспринимается как послание, важное и культурно значимое для коллектива, а потому достойное воспроизведения.

3. Сам термин, восходящий к лат. *traditio*-, сохраняет этимологическое значение «акта передачи», а не «переданной вещи». Именно поэтому имеет значение сам способ передачи традиции: чаще всего это устное слово или действие – пример.

Все три аспекта имеют подводные камни. Во-первых, сохранение во времени не обозначает отсутствия изменений. Если это так, то невозможно установить исходную модель, которую никто никогда не наблюдал, и определить долю устойчивого и изменчивого в традиции. Во-вторых, невозможно точно определить культурную значимость традиции: вербальные и невербальные практики, которые подвергаются исследованию – ритуалы, словесные произведения и т.д., по мнению Ленклю, являются не самой традицией, а *выражением* традиции, при этом «традиционные» ценности не обязательно разделяются и даже более или менее ясно осознаются всеми членами группы. Таким образом, при сборе и исследовании материала происходит имплицитный отбор, а не строгая интерпретация данных. Остается также неясным, и это, в-третьих, имеет ли традиция только устный и непосредственный канал передачи [там же].

Таким образом, идентичность связана с ее интерпретацией и со стороны носителей, и со стороны исследователей. Это утверждал, в частности, Ж. Пуйон, видевший в передаче традиции ее реконструкцию [Pouillon, 1975: 155–173]. Ж. Пуйон определяет традицию как «точку зрения» (*point de vue*), «эскиз» решений (*esquisse de solutions*), которые люди считают правильными не потому, что так думали раньше, а потому, что так думают сейчас. «Мы сами вы-

бираем то, что объявляем определяющим фактором, сами объявляем себя продолжателями тех, кого сделали своими предшественниками» [Pouillon, 1975: 160]. Присоединяясь к этой концепции, Ж. Ленклю заключает, что традиция – это не пассивно воспринимаемая истина, замкнутая в траектории от прошлого к будущему. Это обратная проекция настоящего на прошлое, процесс «признания отцовства», «рождения отцов от детей». В результате этого носители культуры находят «дух» (*génie*), который им подходит, и этим утверждают свое право на различие [Lenclud, 1987].

Изменения в идентитарной сфере, более или менее заметные, затрагивают многие страны, среди которых Франция. Среди «новых» черт переосмысление отношений центр-периферия. «Недавняя эволюция Франции в “идентитарной” области была ускоренной, и тем не менее она прошла через несколько конкретных фаз <...>, – пишет И. Плассеро, – За каких-то нескольких лет в обстановке массового ухода в города из покинутых сельских районов, возможно, родилась *новая Франция*: она больше не хочет, как в прошлом, ориентироваться прежде всего на Париж <...>. За прошедшие годы произошли сдвиги в сознании *новых* слоев населения» [Плассеро, 2019: 33] (курс. мой. – Т.3). Другой особенностью является ослабление, а иногда и полная утрата коммуникативной функции родного языка, его выход из реальной коммуникации. Кроме того, на смену культуры книги приходит культура цифровых технологий, и этот переход влечет за собой формирование виртуального пространства и привлечения широких слоев к обсуждению идентитарных проблем, часто даже более активному и свободному, чем в иных сферах коммуникации.

Так, С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев утверждают, что «сегодняшние виртуальные споры насчет своего “я” становятся порой более информативными и насыщенными, чем споры в реальной жизни. Кибержизнь народа <...> расширяет круг взаимодействий, открывает новые возможности для самовыражения». Эту особенность квалифицируют как «новацию на фоне традиции», продолжающую, с одной стороны, конструктивистскую концепцию «воображаемых сообществ», с другой – традиционалистские подходы к традиционной культуре (фольклор, одежда, быт) [Белоруссова, Головнев, 2019: 36]. По мнению Н. Деринга и Т.С. Киссер, новые виды идентичности развиваются на основе традиции, но имеют способность к быстрому изменению. Для некоторых пользователей Интернета, в первую очередь молодежи, «виртуальная этничность актуальнее реальной». На примере российских немцев Т.С. Киссер показывает, что этот тип идентичности консолидирует группу, замахивает принцип «единства территории» и вызывает «этноренес-

санс» [Киссер, 2019: 65, 81, 69]. Медийный характер «новых форм языковой идентичности» на белорусском материале отмечает Ю. Чернявская. Автор пишет, что эти формы развиваются «в примордиалистском духе» и наиболее престижны в городской молодежной среде [Чернявская, 2018].

Используем эти положения для изучения идентитарных процессов в ареале Прованс / Окситания в разные периоды развития, выделив новации каждого периода – «вехи идентичности». Под «вехами идентичности» мы подразумеваем референции и их комбинации, накапливающиеся или сменяющие друг друга в процессе исторического развития.

Конец XI – начало XIII в. Конструирование базиса региональной идентичности в языке и культуре трубадуров. Сформировав для Европы куртуазный универсум, заложив идентичность Нового времени с его идеями чести, знания, воспитанности, любви и др., трубадуры создали и особый конструкт – собственно провансальскую / окситанскую идентичность. Это язык с его системой «сильных слов», это свое пространство, земли, леса, замки, люди, жившие в очарованном мире, сквозь который проступали и реальные черты. В дальнейшем эта база стала референтной в большей (фелибризм) или меньшей степени (окситанизм) [подробнее об этом периоде: Загряжская, 2020]. *Веги идентичности:* идентитарная биполярность Север – Юг; конструирование базы идентичности, которая в дальнейшем станет референтной.

Начало XIII в. – середина XIII в. Ослабление региональной идентичности. Среди новаций, во-первых, разрушение старопровансальского языка, культуры и идентичности в результате альбигойских войн, проводимых северофранцузскими войсками против южан для сокрушения «ереси» катаров (1208–1229). Во-вторых, обострение дихотомии Юг – Север, отраженное, в том числе в названиях противоборствующих сторон: альбигойцы, катары (провансальцы) – обобщенные «французы» (северофранцузские и германские сеньоры). В-третьих, мифологизация катаризма как массовой «народной религии», оккультной силы, якобы выражающей «вечный дух» Юга Франции [Dictionnaire de l’Histoire de France, 1999: 237]. *Веги идентичности:* углубление дихотомии Юг-Север; осознание южанами моральной травмы; катаризм как референция региональной культуры.

Начало XIV в. – начало XVI в. Угасание провансальской идентичности. Продолжается инерционное угасание провансальского языка при попытках его поддержания на точечном уровне: проведение в Тулузе поэтических конкурсов – «Цветочных игр» (Les Jeux Floraux); появление исторических и научных сочинений на прован-

сальском языке, трактатов по арифметике и геометрии [Вес, 1986: 76]. Одновременно происходит продвижение французского языка: с начала XVI в. Коллеж ораторского мастерства Тулузы (Collège de Rhétorique de Toulouse) допускает на свои конкурсы произведения, написанные на французском языке. *Вехи идентичности*: ослабление родного языка как показателя идентичности; развитие двуязычия и множественной провансальско-французской идентичности.

Последующая эволюция южнофранцузской традиции связана с несколькими попытками ее «возрождения» и появлением новаций на фоне последовательного вытеснения провансальского / окситанского языка и культуры из реальной жизни.

XVI в. «Первое окситанское возрождение». XVI в. – начало XVIII в. протестантизм как референция культуры Юга. Во главе «первого окситанского возрождения» стояли писатели Пьер Гудоли (Pierre Goudoli), Бертран Ларад (Bertrand Larade), Гийом де Салюст (Guillaume de Salluste) и др., стремившиеся установить дистанции с Парижем. Поддерживая свой язык под лозунгом его «Защиты и прославления» (по аналогии с трактатом Ж. Дю Белле «Защита и прославление французского языка», *Défense et Illustration de la langue française*, 1549 г.) южане пытались показать, что окситанский, как и французский, равен греческому и латинскому, итальянскому и испанскому и обладает такими же, как и эти языки, «правами». При этом они защищали не язык региона в целом, а отдельные диалекты (гасконский, лангедокский), выдвигание которых было связано, в частности, с влиянием гугенотов Юга в период религиозных войн.

Притеснения протестантов (в XVI в. гугенотов, в начале XVIII в. – камизаров) со стороны центральных властей оставили новый стигмат в коллективной памяти жителей. Так, Ж.-Н. Пелен обнаружил четыре пласта текстов, идентифицирующих регион, большая часть которых напоминает о жертвах религиозных гонений [Pelen (1), 1992]: религиозные псалмы и песнопения (*psaumes, cantiques*); фольклорные песни (*chants profanes*); плачи о жертвах гонений (*complaintes*), политические песни (*chants politiques*); идентифицирующие песни (*chansons identitaires*). Независимо от характера этих песен (религиозного, фольклорного, политического) в них отчетливо углубляется дихотомия «агрессивный Север» – «жертвенный Юг». Даже компоненты пейзажа (горы, рощи и др.) получают маркировку как места памяти, связанные с местами притеснений сначала альбигойцев, потом – протестантов. В движении протестантов Юга видели даже «возрождение» катаризма. Эта точка зрения в XVI в. разделялась некоторыми представителями враждующих сторон – и протестантами, и католиками; в научной литературе она подвергается критике [Dictionnaire de l’Histoire de France, 1999: 237]. *Вехи идентичности*:

сужение идентичности до локальных форм (гасконская, лангедокская и др.); религиозные референции и их мифологизация, углубление протестной идентичности.

Вторая половина XIX в. – начало XX в. «Второе окситанское возрождение», фелибризм. В XIX в. в творчестве романтиков произошла интеллектуальная реабилитация местной культуры, сопровождающая осмысление ими традиций куртуазной поэзии. Фелибризм – вторая по яркости вспышка провансальской культуры после трубадуров. Этот период связан с общественной и поэтической деятельностью группы провансальских поэтов во главе с Фредериком Мистралем (1830–1914). Поэт-романтик, Фредерик Мистраль создал шедевр – поэму «Мирей», за которую получил Нобелевскую премию по литературе. Поэма стала гимном Прованса и ее «униженного языка»², а ее автор – знаковой личностью национального и мирового уровня.

Вместе со своими единомышленниками, поэтами-фелибрами, Мистраль основал литературную академию Фелибриж³, имевшую целью воссоздать провансальский язык и литературу и поставить провансальскую культуру на достойный ее пьедестал: «Мы пишем так, как писали трубадуры XII, XIII и XIV вв., <...> которые предвосхитили современную поэзию и вскормили Данте и Петрарку, мы пишем так, повторяю, <...> потому что старые трубадуры писали так же. Зачем прерывать всякую связь, знак уважения к нашим почитаемым предкам?»⁴ Фелибры создавали свое пространство – проводили «фелибриады» (*félibrillades*), церемонии товарищеских встреч и трапез, где произносили важнейшие речи и программные заявления. Они создавали провансальский мир и в обыденной жизни: носили широкополые шляпы, говорили громоподобным голосом, будто изрекали, пили местное розовое вино, вкушали традиционные блюда, ухаживали за девушками, прекрасными, как сама Мирей.

Деятельность Мистрала была многогранной [подробнее см.: Загряжская, 2005; Моисеева, 2019]. Прежде всего это нормализация провансальского языка на основе родных для него роданийских говоров; сакрализация языка как «священного инструмента» народа; создание двухтомного провансальско-французского словаря «Сокровища Фелибрижа», *Lou tresor dou Felibrige* с этимонами, толкованиями слов, народными топонимами, названиями растений,

² *Mistral F.* Mireille. P.: Club des libraires de France, 1959. P. 7–9.

³ Этимология слова *félibrige* не ясна: возможно, слово восходит к позднелатинскому *fellebris* – (грудной) младенец. Не исключено, что слово является вымышленным.

⁴ *Correspondances de F. Mistral et Adolphe Dumas (1859–1861)* // Publication des Annales de la Faculté des lettres, Aix-en-Provence. Nouvelle série. 1959. № 24. P. 27.

местными прозвищами и фамилиями, пословицами и поговорками. Мистраль собирал документы и предметы материальной культуры, которые в 1899 г. передал в созданный им Арлатанский музей (Muséon Arlaten). Это 38 000 экспонатов, относящихся к повседневной сфере: костюм, мебель, орудия труда, предметы, связанные с культом и суевериями, книги и т.д. Один из первых этнографических музеев, созданных во Франции, он имел целью сохранение и кодификацию местной культуры перед угрозой исчезновения, возникшей на заре «современного мира».

Музей мыслился как продолжение Фелибрижа и образец провансальской идентичности. Фелибры полагали, что провансальцы должны жить, одеваться и говорить по правилам, которые для них создавали. Отступления воспринимались трагически как отказ от истоков и мудрости прошлого, «вечного Прованса», «завещания ушедших сообществ». В сборнике «Золотые острова» Мистраль писал: «Мне кажется, что мертвые меньше состарились, чем те, кто живы сейчас»⁵. Для него эта земля находилась вне истории, в мире абсолютной красоты: «<...> отвлечемся от реальности, господа, <...> и увидим мысленным взором, как расцветает наша [область] Прованс, такой, какой для нас ее сделала природа и история и скажем ей, как Рюдель [трубадур. – Т.Ю.]: «Я люблю тебя, о моя прекрасная, вечно прекрасная!»⁶

Между тем Мистралю не были чужды и политические амбиции: по данным В.Ф. Шишмарева, поэт заявлял, что Юг был «готов образовать государство объединенных провинций», и выдвинул и так называемую латинскую идею – мысль об основании «соединенных штатов Средиземного моря» [Шишмарев, 1972: 267].

Значение Фелибрижа выходило за пределы одного региона. Под влиянием Мистраля А. Доде объездил весь Прованс и нашел там прототип своей мельницы, музыка к «Арлезанке» Бизе и опера Ш. Гуно «Мирей» снискали мировую известность. Поэма «Мирей» была переведена на французский язык самим Ф. Мистралем; были переводы и на диалекты Франции. Движение, начатое Мистралем в Провансе, поддержали в других регионах страны: фелибризм притягивал к себе тех, кто проявлял интерес к культуре малой родины. *Вехи идентичности*: авторитет «титанов» в защите культуры; создание матрицы региональной идентичности; мифологизация образа региона; сакрализация прошлого; консервации языковых форм; музеификация идентичности; роль творческой личности; надрегиональный резонанс.

⁵ *Mistral F.* Lis isclos d'or. Avignon: chez Roumanille, 1878. P. 48.

⁶ *Ibid.* P. 260.

С 30-х годов XX в. до конца XX в. «Третье окситанское возрождение». В отличие от фелибризма окситанизм подходил к проблеме идентичности не с поэтических, а с научных позиций. Филологи-исследователи, окситанисты стремились демифилогизировать образ, созданный Мистралем, и перейти от «вечного» Прованса к реальной Окситании.

Грамматика Л. Алибера⁷, вышедшая в конце 30-х годов XX в. и опиравшаяся на традиции лангедокских говоров, закрепила перенос диалектной базы литературного языка со специфических роданийских говоров (родных для Мистраля) к лангедокским говорам как центральным. В 1945 г. был создан Институт окситанских исследований (Institut d'Estudis Occitans), который впоследствии стал крупным научным центром, имеющим широкую контактную сеть⁸. Названия «Прованс», «провансальский» уступили место названиям «Окситания», «окситанский» в научной литературе и официальных документах. В 1951 г. был принят закон Дексона (la loi Deixonne), допускавший введение окситанского (а также бретонского, баскского, каталанского языков) как факультативных предметов в школьное образование⁹ и стимулирующий открытие кафедр окситанского языка и культуры в университетах Юга Франции.

Окситанизм дал импульс новым направлениям исследований, в частности, изучению этнотекста (ethnotexte), начатому на волне движений в защиту окружающей среды, региональных прав и языков. Разработанное на окситанском материале понятие этнотекста было сформулировано Ж.-К. Бувье и Кс. Равье и уточнено Ж.-Н. Пеленом как часть «дискурса коллектива о себе самом» [Pelen (2), 1992: 716]. Сбор этнотекстов (рудиментов фольклора, мемуаров, описания традиций и др.) в 90-е годы XX в. был поддержан Национальным центром научных исследований (CNRS), в настоящее время это собрание составляет важную часть звучащих и аудиовизуальных архивов Франции¹⁰. Язык этнотекстов – окситанский, чаще – французский с символическими вкраплениями окситанских слов. Это свидетельствует о том, что окситанский язык используется не в коммуникативной, а в идентифицирующей или, по В.Г. Гаку, вторичной, символической, эпilingвистической функции [Гак, 1996]. Указание на «вторичность» данной функции не означает, что она

⁷ *Alibert L. Grammatica occitana segon los parlars lengadocians.* En 2 vol. Tolosa, Societat d'estudis occitans, 1935-1937.

⁸ Institut d'Estudis Occitans. URL: <https://ieo-oc.org> (дата обращения: 14.02.2020).

⁹ До этого времени местные языки в стенах школы не преподавались и даже не звучали.

¹⁰ Bulletin de l'ALFAS. Sonorités. URL: <https://journals.openedition.org/afas/2813> (дата обращения: 14.02.2020).

второстепенна: В.Г. Гак пишет об усилении ее роли в самоидентификации местных культур [там же]. *Вехи идентичности*: научное обоснование идентичности; демифологизация культуры; переход от «вечного» Провансом к реальной Окситании; референции с общественными и экологическими движениями; развитие символической функции окситанского языка.

С конца XX века по настоящее время. Виртуализация и переформатирование идентичности. Преподавание окситанского языка и культуры для желающих не прекращается: в высших и средних учебных заведениях предлагаются различные методики¹¹ и программы (бакалаврские, магистерские)¹². Эти меры все же не могут остановить нивелирование окситанского языка: из 13 млн южан только 1500 человек владеют окситанским языком, при этом степень владения не поддается анализу¹³.

Другой особенностью нашего времени является виртуализация идентичности. Уже в 90-е годы XX в. во Франции стали использоваться цифровые технологии в региональных и диалектологических исследованиях (Романский лингвистический атлас, Atlas linguistique Roman; собрания этнотекстов). Распространение этих технологий дало импульс развитию новой, виртуальной идентичности. Появился доступ к оцифрованным коллекциям и архивам, открылась возможность изучения окситанского языка и культуры для всех, кто этого хочет, см. сайты и фейсбуки музеев, научных и общественных ассоциаций¹⁴, электронные ресурсы университетов¹⁵, ассоциаций¹⁶, отдельных лиц¹⁷. В сетях появляется реклама и антиреклама ресурсов, ср. предостережения такого рода: «Этот сайт свидетельствует о чрезмерном воображении его автора и ни в коей мере – о его зна-

¹¹ *Faïta D., Boyer R.* Création d'outils et appui sur la langue première sur l'enseignement du provença // *Recherches et applications – Le français dans le monde*. 2008. № 4. P. 157–160.

¹² Département d'Occitan de l'Université Paul Valéry. Montpellier III. URL: <http://www.univ-montp3.fr/occitan/index.php> (дата обращения: 14.02.2020).

¹³ *Gadet F.* La variation : le français dans l'espace social, régional et international // *Yaguello M.* Le grand livre de la langue française. P.: Ed. Du Seuil, 2003. P. 91–152.

¹⁴ Géococcitania. URL: <http://bdtopoc.org>; <https://m.facebook.com/geococcitania/>; http://ieo-oc.org/spip.php?page=article&id_article=1160 (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁵ Département d'Occitan de l'Université Paul Valéry. Montpellier III. URL: http://www.univ-montp3.fr/occitan/index.php?option=com_content&task=view&id=32&Itemid=22 (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁶ FELCO. Federacion dels enseignaires de lengua e cultura d'oc. URL: <http://www.felco-creo.org/15-06-19-entreprendre-ou-reprendre-des-eludes-doccitan> (дата обращения: 14.02.2020).

¹⁷ *Ma vida amb ieu.* URL: <http://melanizetofre.blogspot.com> (дата обращения: 14.02.2020).

нии письменного или разговорного окситанского языка»¹⁸ [там же]. К идентитарному дискурсу приобщились многие пользователи, оживился обмен мнениями по вопросам региональной принадлежности, что создало эффект расширения «воображаемого пространства» сообщества. Как образно высказались С.Ю. Белоруссова и А.В. Головнев, в киберпространстве главенствуют не «титаны духа», а «виртуозы быстрого эффекта» [Белоруссова, Головнев, 2019: 37]. Действительно, творцами «новой» идентичности становятся не создатели шедевров, как Ф. Мистраль, а обычные пользователи, часто анонимные. В этом случае можно говорить о «деперсонификации» традиции.

Среди других изменений в идентитарной сфере дистанцирование от прошлого, переход от консервации или дополнения традиции к ее пересмотру и диалогу с ней. Эта новация заложена в новой концепции Арлатанского музея, которая была реализована в ходе его реконструкции (2007–2019).

В соответствии с идеей Ж. Пуайона о том, что традиция – это точка зрения на прошлое людей нашего времени (см. выше), музей Прованса был превращен из наследия Мисталя в «музей музеев» (*musée des musées*). Сквозь череду залов показываются «изобретения традиции» (*inventions de la tradition*)¹⁹: эволюция представлений о Провансе с конца XIX в. до середины XX в., изменение роли экспонатов, мизансцен и коллекций как способов форматирования региональной идентичности. Реновация музея представляет новый дискурс, в котором взаимодействуют материальное и нематериальное, предметы и представления о них. Современные посетители смогут проследить этапы «переинтерпретации» культуры, чьи истоки пытались найти первые собиратели музея; увидеть взаимосвязи новых праздничных ритуалов с представлениями о Провансе; сопоставить вариации арлезианского костюма и современной региональной моды, создающей или реконструирующей «провансальский облик»; установить инвентарь обновленных форм региональных промыслов (рождественских фигурок, украшений, посуды, мебели); мотивировать коллективное воображаемое в туристическом дискурсе и рекламе. *Вехи идентичности*: виртуализация идентичности; анонимность идентитарного дискурса; дистанцирование от традиции; диалог с прошлым.

В заключение суммируем сказанное. В истории южнофранцузской идентичности был период инерционного угасания и несколько подъемов различной силы. На протяжении веков переосмысливает-

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Museon Arlaten. URL: http://www.museonarlaten.fr/museon/webdav/site/museon/shared/contenu/02/Synthese_projet_arlaten.pdf (дата обращения: 14.02.2020).

ся прошлое, возникают новации, переформатируется идентичность. Накладываясь на сложившийся фон, новации создают новые комбинации – «вехи идентичности», показывающие динамику самосознания жителей: bipolarизация культуры Север – Юг; культура трубадуров как референтная база (1); стигматизация и кровавая рана альбигойских и религиозных войн (2); роль творческой личности в культуре; сакрализация «вечного» Прованса; музеификация прошлого (фелибризм) (3); демифологизация культуры; рациональное обоснование идентичности (окситанизм), нивелирование коммуникативной функции окситанского языка и развитие вторичной, символической функции (4); виртуализация и «деперсонификация» идентичности; дистанцирование от прошлого (наше время) (5) и др.

Путь, который прошла южнофранцузская идентичность, нельзя назвать прямым. Но этот путь имеет общий вектор – подтверждение права на различия в условиях взаимодействия с доминирующей северофранцузской / общефранцузской культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова В.В.* Язык и этническая идентичность: урумы и румы приазовья. М., 2010.
2. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. М., 2006.
3. *Белоруссова С.Ю., Головнев А.В.* Виртуальная идентичность – новация на фоне традиции? (Введение в тему) // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 36–40.
4. *Гак В.Г.* Отзыв официального оппонента о докторской диссертации Т.Ю. Загрязкиной «Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка». М., 1996 (на правах рукописи).
5. *Загряжкина Т.Ю.* Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 22–37.
6. *Загряжкина Т.Ю.* Концепт «Прованс» в культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 59–76.
7. *Киссер Т.С.* Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. Виртуальная этничность и киберэтнография / Отв. ред. специальной темы номера С.Ю. Белоруссова, А.В. Головнев. С. 64–84.
8. *Моисеева Д.П.* “Oulivo” как идентификатор Прованса в языке Ф. Мистраля // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 68–76.
9. *Плассеро И.* Идентичность народов Европы. М.; СПб., 2019.
10. *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнопсихология. Политические функции этничности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013.
11. *Чернявская Ю.* Модификации белорусской идентичности: медийность и повседневность // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / Под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М., 2018. С. 126–140.

12. *Шишмарев В.Ф.* Фредери Мистраль // Шишмарев В.Ф. Избранные статьи: История итальянской литературы и итальянского языка. М., 1972. С. 267–283.
13. *Bec P.* La langue occitane. 5-e éd. P., 1986.
14. *Chevalier D., Morel A.* Identité culturelle et appartenance régionale: Quelques orientations de recherche // Terrain, anthropologie et sciences humaines 1985. № 5. Octobre. P. 3–5. URL: <https://journals/oppenedition.org/terrain/2878> (дата обращения: 14.02.2020).
15. Dictionnaire de l'Histoire de France / Sous la direction de J.-F. Sirinelli. P., 1999.
16. *Lenclud G.* La tradition n'est plus ce qu'elle était. Sur les notions de tradition et de société traditionnelle en ethnologie // Terrain. Anthropologie et Sciences humaines. 1987. № 9. Habiter la maison. P. 110–123. URL: <https://journals.openedition.org/terrain/3195> (дата обращения: 14.02.2020).
17. *Pelen. J.-N.* (1) Chanson, histoire : Chanter et être en Cévennes // Les voies de la parole: Ethnotextes et littérature orale, approches critiques. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 1992. P. 160–175.
18. *Pelen J.-N.* (2) La recherche sur les ethnotextes : Notes sur un cheminement // Actes du Congrès international de dialectologie à Bilbao le 21–26 octobre 1991. Grenoble, 1992. P. 716–720.
19. *Pouillon J.* Fétiches sans fétichisme. P., 1975.

Tatiana Yu. Zagryazkina

**‘MILESTONES OF IDENTITY’ IN THE INTERCULTURAL AND LANGUAGE ASPECTS
(FROM PROVENCE TO OCCITANIA)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines the questions of identity as a phenomenon, which has generalizing characteristics and which is connected with reconstruction based on individual fragments of more general cultural values. The identity phenomenon is connected with the phenomenon of tradition, which can be explained as a point of view of contemporaries on the cultural significance of the past (Pouillon J.). In order to study the dynamics of Provençal / Occitan identity the innovations of each period have been singled out – “milestones of identity”. This term implies identical references accumulating or replacing each other in the process of historical development. The examined material shows that in the history of South French identity there was a period of inertial fading and several periods of identical uplifts of various strengths. Over the centuries, the past was rethought, innovations occurred, and identity was reformatted. That is the reason why we consider each stage new, with its own differential characteristics - “milestones” of identity. Among them there are: the culture of troubadours as a reference base (1); stigmatization of the Albiguan and religious wars (2); the cultural matrix of the “eternal” Provence, sacralization and “musification” of the past, the role of the creative person (felibrism) (3); demythologization of culture; rational justification of identity (Occitanism), the departure of the Occitan language from real communication and the development of a secondary, symbolic function (4); virtualization, “depersonalization” of identity; distancing

from the past (our time) (5). These and other “milestones” mark the path that the South French identity has traveled. They also denote the general vector of its development – confirmation of the rights in conditions of interaction with the dominant North French / French culture.

Key words: identity; reference; tradition; novation; Provence; Occitania; felibrism; Occitanism; virtual identity; F. Mistral; Arlaten Museum; epilinguistic; symbolic; identifying the function of the language.

About the author: *Tat'yana Yu. Zagryazkina* – Dr.habil in Philology, Professor, Head of the Department of French Language and Culture at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (e-mail: [tatianna_zagr@mail.ru](mailto:tatiانا_zagr@mail.ru)).

REFERENCES

1. Baranova V.V. 2010. *Yazyk i etnicheskaya identichnost': urumy i rumei priazov'ya* [Language and ethnic identity: Urumahs and Rumees of Azov]. Moscow, ID Gosuniversiteta – vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
2. Bart F. 2006. *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and social boundaries: The social organization of cultural differences]. Moscow, Novoe izd-vo. (In Russ.)
3. Belorussova S.Yu., Golovnev A.V. (ed.) 2019. Virtual'naya identichnost' – novatsiya na fone traditsii? (Vedenie v temu) [Is virtual identity an innovation against the backdrop of tradition? (Conducting in a subject)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical researches], no. 2. Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya [Virtual Ethnicity and Cyber Ethnography], pp. 36–40. (In Russ.)
4. Gak V.G. 1996. *Otzyv ofitsial'nogo opponenta o doktorskoj dissertatsii T.Yu. Zagryazkinoi "Protssesy prostranstvennoi differentsiatsii i integratsii frantsuzskogo yazyka"* [Review of the official opponent about the doctoral dissertation T.Yu. Zagryazkina "The processes of spatial differentiation and integration of the French language"]. Moscow (as a manuscript). (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu. 2020. Identity Construct in the Works of Troubadours or “Another France” Through the Language Lens. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 22–37. (In Russ.)
6. Zagryazkina T.Yu. 2005. Kontsept “Provans” v kul'ture Frantsii [The concept of “Provence” in the culture of France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2. S. 59–76. (In Russ.)
7. Kisser T.S. 2019. Virtual'naya identichnost' rossiiskikh nemtsev [Virtual identity of Russian Germans]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian historical research], no. 2. Virtual Ethnicity and Cyber Ethnography. S.Yu. Belorussova, A.V. Golovnev (eds.), pp. 64–64. (In Russ.)
8. Moiseeva D.P. 2019. “Oulivo” kak identifikator Provansa v yazyke F. Mistralya [“Oulivo” as an identifier of Provence in the language of F. Mistral]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 68–76. (In Russ.)
9. Plassero I. 2019. *Identichnost' narodov Evropy* [Identity of the peoples of Europe]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. (In Russ.)
10. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. 2013. *Etnopsikhologiya. Politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopsychology. Political functions of ethnicity]. 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

11. Chernyavskaya Yu. 2018. *Modifikatsii belorusskoi identichnosti: mediinost' i povsendnevnost'* [Modifications of Belarusian identity: media and everyday life]. In E.I. Filippova, K. Le Torrivellek *Svoi i chuzhie. Metamorfozy identichnosti na vostoke i zapade Evropy* [Own and alien. Identity Metamorphoses in the East and West of Europe]. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom, pp. 126–140. (In Russ.)
12. Shishmarev V.F. 1972. *Frederi Mistral'* [Frederi Mistral]. In Shishmarev V.F. *Izbrannye stat'i: Istoriya ital'yanskoi literatury i ital'yanskogo yazyka* [Selected articles: History of Italian literature and the Italian language]. Moscow, Nauka, pp. 267–283. (In Russ.)
13. Bec P. 1986. *La langue occitane*. 5-e éd. Paris, PUF. (In French)
14. Chevalier D., Morel A. 1985. Identité culturelle et appartenance régionale: Quelques orientations de recherche. *Terrain, antropologie et sciences humaines*, no. 5, pp. 3–5. URL: <https://journals/openedition.org/terrain/2878> (accessed: 14.02.2020). (In French)
15. Sirinelli J.-F. (dir.) 1999. *Dictionnaire de l'Histoire de France*. Paris, Armand. (In French)
16. Lenclud G. 1987. La tradition n'est plus ce qu'elle était. Sur les notions de tradition et de société traditionnelle en ethnologie. *Terrain. Anthropologie et Sciences humaines*, no. 9. Habiter la maison, pp. 110–123. URL: <https://journals.openedition.org/terrain/3195> (accessed: 14.02.2020). (In French)
17. Pelen J.-N. (1) 1992. Chanson, histoire: Chanter et être en Cévennes. *Les voies de la parole: Ethnotextes et littérature orale, approches critiques*. Aix-en-Provence, Publications de l'Université de Provence, pp. 160–175. (In French)
18. Pelen J.-N. (2) 1992. La recherche sur les ethnotextes: Notes sur un cheminement. *Actes du Congrès international de dialectologie à Bilbao le 21–26 octobre 1991*. Grenoble, pp. 716–720. (In French)
19. Pouillon J. 1975. *Fétiches sans fétichisme*. Paris, Maspero. (In French)